

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как судья Европейского суда по правам человека я получаю от авторов немало публикаций по проблемам европейского правосудия и применения Европейской Конвенции в нашем Отечестве. Написаны они с разной степенью компетентности, но всегда заинтересованно и даже «пафосно» — проблема защиты прав человека редко кого оставляет равнодушным... Но вот беда — нередко авторы открывают для себя уже известные истины (как-никак Конвенция действует в России с 5 мая 1998 г.) и спешат поделиться своим открытием с читателем, оставляя досадное ощущение *déjà vu*.

Представляемое издание — это работа иного рода, работа зрелого автора, на счету которого уже немало интересных публикаций на заявленную тему, прежде всего в серии «Международная защита прав человека», издаваемой в Екатеринбурге и высоко ценимой специалистами и правозащитниками. В одной из них — «Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России» — автор вплотную подошел к теме предлагаемой нашему вниманию настоящей работы¹.

---

¹ См.: *Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России* / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006.

Предисловие

Почему автор избрал именно этот аспект — роль Постановлений (а я настаиваю на написании этого слова с заглавной буквы) Пленума Верховного Суда Российской Федерации?

Российская Федерация как участник Конвенции признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Тем самым был открыт путь реализации права граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, закрепленного в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, а сама Конвенция в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ стала составной частью правовой системы государства российского.

Инкорпорирование Европейской Конвенции в правовую систему Российской Федерации и необходимость применения национальными судами как самой Конвенции, так и прецедентной практики Европейского суда подтверждены актами высших судов Российской Федерации. Прежде всего это многочисленные Постановления и Определения Конституционного Суда РФ¹, в которых нашла отражение практика применения Конвенции по самому широкому спектру правовых проблем.

Уже в 1999 г. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Информационном письме от 20 декабря 1999 г.² и в ряде последующих Постановлений изложил требования ст. 6 «Право на справедли-

---

¹ См.: *Европейские* правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред. Ю.Ю. Берестнева. М., 2003; *Зорькин В.Д.* Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1; *Витрук Н.В.* Практика Конституционного Суда Российской Федерации в контексте действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2006. № 3; *Бурков А.Л.* Конституционный Суд Российской Федерации и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2009. № 3.

² Информационное письмо Верховного Суда РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие».

Предисловие

вое судебное разбирательство» и ст. 1 «Защита собственности» Протокола 1 к Конвенции применительно к толкованию прецедентов Европейского суда и обязал все арбитражные суды страны принимать во внимание эти требования при рассмотрении исков¹. Кстати, на сегодняшний день именно в системе арбитражных судов наиболее последовательно закреплен принцип правовой определенности благодаря четко выстроенной системе апелляционных и кассационных судов и единственной на всю страну надзорной инстанцией в лице Высшего Арбитражного Суда РФ.

Для любого юриста очевидно, что сердцевиной системы правосудия всегда были и остаются суды общей юрисдикции: мировые, районные, городские, областные (краевые, Верховные Суды республик), а на вершине пирамиды — Верховный Суд Российской Федерации, определяющий правоприменительную политику судов Постановлениями своих Пленумов. Именно поэтому понятно стремление автора провести своего рода «лабораторный анализ» особой природы Постановлений («квазинормативные акты в теории и практике», по мнению автора) и их значение для единообразного применения судами национального законодательства (глава 4), а также для применения международных норм по правам человека в национальной судебной практике (глава 5).

Хотелось бы напомнить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указал судам общей юрисдикции, что применение ими Конвенции обязательно и должно осуществляться с учетом практики Европейского суда во избежание любых нарушений Конвенции. Отметим среди прочих важных положений Постановления положения принципиального характера: *«Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для за-*

---

¹ См.: *Нешатаева Т.Н.* О компетенции Европейского Суда по правам человека в отношении имущественных прав // Вестник ВАС РФ. 1999. № 4; *Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт.* М., 2007.

Предисловие

явителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер» (п. 11 указанного Постановления).

Работа А.Л. Буркова фундаментальна по охвату проблем применения в России Конвенции судами общей юрисдикции. Верный освоенному в Кембридже методу интервьюирования как необходимой составной части любого исследования, автор пытается выяснить путем интервью степень осведомленности судейского корпуса о положениях Конвенции, «оправдательные» причины отказа от применения этих положений в повседневной судебной практике, проблемы юридического образования и в целом заинтересованности в изучении Конвенции судьями, адвокатами, правозащитниками.

Книга провокационна по своей направленности — в изначальном смысле латинского *provocare* — будить мысль, приглашать к размышлению. Лично я не согласен с утверждениями и выводами автора в плане «недостатков» постановлений Пленумов ВС РФ, «позднего принятия» постановления Пленума 2003 г. Участвуя вместе с представителями Европейского суда и экспертами Совета Европы в обсуждении проектов постановления на Пленуме 10 октября 2003 г., могу засвидетельствовать, что каждое его положение тщательно обсуждалось и рождалось в спорах специалистов. Что касается «позднего принятия» в октябре 2003 г., то следует иметь в виду, что первое постановление по жалобам из России Европейский суд вынес по делу Бурдова 7 мая 2002 г., а к осени 2003 г. их было вынесено всего пять — было бы, мягко говоря, неразумно выносить постановления на «пустом месте». Уместно вспомнить слова Бисмарка о том, что русские долго запрягают, но быстро ездят... Хотя всегда желательнее постоянная методичная работа по стимулированию применения Конвенции всеми судами, чем скачки наперегонки. Подобное «запоздание» Верховный Суд РФ с лихвой компенсировал в послед-

Предисловие

ние годы, приняв ряд специальных постановлений, инициировав законопроект об ответственности и компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок, проведя частичную (согласен, что пока недостаточную) реформу надзора в уголовном и гражданском судопроизводстве, приняв в октябре 2009 г. два «революционных» (это написал не склонный к подобным комплиментам «Московский комсомолец») постановления по предварительному заключению подсудимых и по системе наказаний, определяемых судами, следуя букве и духу постановлений Европейского суда. Я мог бы отреагировать и на иные «придирки» автора, но не хочу навязывать здесь своего мнения и нарушать ст. 10 Конвенции «Свобода выражения мнения». Считаю при этом, что мнение автора этой интересной работы — это мнение человека неравнодушного, «болеющего душой» за правду, а это важнее всяких нюансов в оценках.

Напомню лишь, что в последнее время Верховный Суд РФ собственным примером нередко демонстрирует нижестоящим судам, каким образом применять положения Конвенции в судебной практике. Так, в Определении от 29 января 2009 г. по надзорной жалобе Управления социальной защиты г. Армавира он оставил без изменения Определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, а надзорную жалобу — без удовлетворения, указав, что *«отмена указанного решения в порядке надзора приведет к нарушению принципа правовой определенности, который, как неоднократно указывал Европейский суд по правам человека в своих постановлениях, в частности по делу „Рябых против Российской Федерации“ от 24 июля 2003 года, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено»*. Он четко мотивировал свою позицию: *«Правовая определенность подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела. Принцип закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления*

Предисловие

от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера». Остается пожелать, чтобы подобных Определений — хороших и разных — становилось день ото дня больше.

Мне уже приходилось отмечать определенное «сопротивление материала» (значительной части судейского корпуса) жестким европейским стандартам правосудия, оспаривание многими правоведами международной правосубъектности индивида или роли судебного прецедента как источника права, различные подходы к принципу правовой определенности и роли надзорной инстанции. Отголоски этих дискуссий читатель найдет и в работе А.Л. Буркова. Но это сопутствующие явления при встрече двух самобытных (и добавим: самодовлеющих) правовых систем, обреченных на сосуществование. Аналогичные проблемы возникали и продолжают возникать при стыковке системы Конвенции с правовыми системами других стран. Но это уже сюжет для другого исследования, на которое хочется спровоцировать автора.

Напоследок хочется сказать: за довольно «сухим» (если не сказать тоскливым) названием работы бьется мысль неординарного исследователя, вобравшего в себя традиции российского и западного правоведения, виртуозно владеющего исследуемым материалом и демонстрирующего завидную свободу суждений. А адекватное толкование и применение норм Конвенции и прецедентов Европейского суда требуют именно такого комплексного подхода.

доктор юридических наук, профессор,
Судья Европейского суда по правам человека,
избранный от Российской Федерации,
А.И. Ковлер